

Александр АКУЛИНИЧЕВ

Ж. А. Г.

Рассказ

За Волгой горело. Дрон, наверное, была первая мысль. Но какой дрон посреди степи, зачем? Бурый дым несло ветром вправо, на юг, по течению. Ветер, и без того горячий, там скорее всего стал обжигающим.

Андрей присел на кусок бетона и чуть не вскрикнул: на августовском солнце камень раскалился, как русская печь. Интересно, эта бетонная глыба с торчащей в углу арматуриной – тоже часть могилы, или что?

Надгробия вокруг были искорежены и повалены. Железные кресты и обелиски с облупившейся синей краской кренились влево-вправо, на север – на юг, по течению и против течения. На некоторых оставались таблички, тоже изувеченные временем и ветром, но далеко не на каждой еще можно было что-то разобрать.

«Ж.А.Г. 1927–1952» – такой была надпись на стеле по соседству. Почему хоронившие Ж.А.Г. не вписали его (или ее?) полное имя, а ограничились тремя буквами? Они ведь точно это имя знали, раз знали год рождения. Экономия краски? Надежда перезахоронить позже, более основательно? Пометка для своих?

У Андрея сложился в голове сюжет.

После войны в поселке Водоотстой жила молодая, очень некрасивая, можно даже сказать уродливая девушка. Звали ее Жанна Акрамовна Гарафеева, вся ее родня погибла в боях за Сталинград. Еще не отгремели выстрелы, как она потеряла рассудок: бродила туда и сюда по поселку Водоотстой и бубнила под нос что-то на смеси русского, татарского и немецкого. Жители судачили, будто Жанна тайно воскрешает фашистов, что недогнили в братской могиле у оврага.

Слух этот из досужих разговоров перерос в полную уверенность. И однажды кто-то из поселковых увидел, как поздно вечером, в полнолуние, Жанна спускалась в овраг одна, а через полчаса возвращалась, ведя под руку высокого, стройного мужчину, ковылявшего неровной походкой. На мужчине были немецкая форма и дырявая каска, и сквозь запах пыли от него веяло мертвечиной.

Ну и дальше они, поселковые, убили Жанну. Закололи вилами, закопали на холме, пометили могилу одними буквами, чтобы никто лишний раз не произносил имени ведьмы, но все же избежал этого места.

А почему девушка некрасивая-то, спрашивал Андрея внутренний Игорь Кириллович, продюсер. Почему бы не сделать ее симпатичной, даже такой фам-фаталь, подчеркнуть мистическую сущность? Позовем Крылову из «Топей», провинциальная хтонь, все дела.

Александр Акулиничев родился в 1988 году, вырос в Волгограде. Окончил Волгоградский государственный университет по специальности «Журналистика». Главный редактор сайта Psychologies.ru. Публиковался как журналист, кино- и литературный критик («Вокруг света», «Здоровье Mail.ru», Storyport и др.). Переводчик детских книг с английского языка («Хвостыуны» и др.). Сборник рассказов «Полынный зной» вошел в лонг-лист премии «Лицей» (2024). Живет в Москве.

Фильм не об этом, я не хочу провинциальную хтось, я же тут вырос, мне здесь нравится. Вот, за вдохновением возвращаюсь, парировал Андрей. Внутренний Игорь Кириллович покачал головой. Какое вдохновение, Андрей, садись и работай. Проснулся, зубы почистил – и за монитор. Только так, только так.

Ж.А.Г. мог быть мужчиной. Банально – Жуков Андрей Григорьевич. В поселке Водоотстой жили только Жуковы, и они лоббировали более благозвучное название «Жуково», но облисполком всё отказывал и отказывал. Всех детей в поселке называли так, чтобы инициалы не повторялись, и из ФИО можно было составить модную в раннем совке аббревиатуру: Алексея Борисовича Жукова звали ЖАБОМ, Варвару Олеговну Жукову – ЖВО и так далее. Полные имена и фамилии – пережиток царского прошлого.

Натурно, неправдоподобно, без души. Внутренний Игорь Кириллович прервал фантазию.

Поодаль, на ржавом обелиске, сидел сокол. Он поминутно поворачивал голову на Андрея, но не боялся того и не считал угрозой. Птица тоже наблюдала за пожаром. Возможно, в соколиные планы входил перелет через реку и охота на полевок в леске. А теперь лесок горит, и сокол в печали. Даже в каком-то ступоре.

Андрей поднялся с камня и побрел по вязнущему песку выше на холм. Сухая трава щекотала щиколотки, порывы горячего ветра норовили сорвать бейсболку, сокол поглядывал осуждающе, но не улетал. Песок как будто дышал, шевелился, пыхтел. Кресты, казалось, скрипят под неумолимой гравитацией и вот-вот упадут. А если прикоснуться к любому из обелисков, тот наверняка рассыпется, оставив на ладонях рыжую пыль.

«Фролов Николай Степанович 1916–1952», даже с фотографией: в летных очках, смотрит туда же, куда и сокол, за Волгу. «Ермилова Александра Степановна 1902–1951» – обладательница полноценной гранитной плиты, когда-то тоже с фотографией, но теперь на ее месте только овальная выемка в камне. В верхней части надгробия – еще одна выемка, в форме пятиконечной звезды. «Боровков Иван Максимович 1898–1952» хмурится с выцветшего снимка, давит взглядом-утюгом. Его крест стоит ровно, будто по стойке смирно, а табличка куда новее соседних – видимо, Иван Максимович еще не забыт. Во вселенной мультфильма «Тайна Коко» он обитал бы в лимбе, гулял бы там на своих двоих как полноценный живой. А от Ж.А.Г. в том лимбе остался бы только призрачный контур, по которому не понять даже пол человека.

Что здесь случилось в начале пятидесятых? Почему нет более свежих могил? Эпидемия холеры или тифа? Большой пожар вынудил людей оставить поселок? Авантюрист-зазывала, продавец дождя, агитировал всех сорваться и переехать в места побогаче, где почва без глины и песка?

Андрей надеялся найти тут сюжет в духе «южной готики». Придумать фактурных героев. Нашупать историю, которая тронет даже тех, кто никогда не бывал в степи, не вдыхал эту чертову пыль. Стать таким русским Теннесси Уильямсом.

Вместо этого он уже с час наблюдал, как вокруг ничего не происходит. Горит за рекой, грустит птица, из травы с шорохом выпрыгивают кузнечики. Воздух раскаляется.

Около одной из могил Андрей отчетливо разглядел череп. Две черные глазницы, ряд неровных зубов, аккуратная, почти идеально округлая макушка. В два прыжка через пыль он добрался до этого места и осторожно прикоснулся к кости, которая восемьдесят лет назад хранила чьи-то мысли и переживания. Череп обжигал руки – и почти ничего не весил, убедился Андрей, когда поднял его.

Бедный Йорик, провозгласил Андрей, вытянув руку с черепом. Быть или не быть, вот в чем вопрос. Сокол взмыл в небо, не выдержав Андреевой патетики. Пахнуло горелым. Андрей представил себя со стороны: мужчина с первой сединой в бороде стоит на вершине песчаной насыпи, под палящим солнцем, и смотрит в глазницы человеческого черепу, цитируя «Гамлета». В рабочее время, посреди вторника. Вокруг – лишь мертвецы, кузнечики да разочарованный сокол.

Жаль, некому сфоткать. Селфи не передаст абсурдную магию момента. Он все равно полез в карман за телефоном – и в этот миг пыльный холмик под его ногами рассыпался и покатился по склону сотней отдельных комьев. Секунда – и Андрей уже видит, как падает туда, где только что была могила Йорика. Он ударяется головой о железный крест и слышит, как коленная чашечка с размаха врежется в скрытый до этого под пылью и ковылем бетонный блок. Один уже звук столкновения вызвал у Андрея слезы – и только затем их догнала боль.

Череп все еще был в руке Андрея. Он смотрел на потомка укоризненно.

Мужчина с первой сединой в бороде лежит в чьей-то могиле, держится за ногу, орет и не может подняться. Вокруг – череп, какие-то щепки, осколки, клубы пыли. Камера приближается, наезжает на выпавший айфон. Его экран, украшенный паутиной трещин, отражает единственное облачко, плывущее по синему-синему небу, и пролетающую на фоне облачка птицу. Конечно, это сокол, конечно, летит он на юг и, конечно, это символично. Вот только символом чего выступает сокол? А черт его знает.

Внутренний Игорь Кириллович находит сцену красивой, пусть и немного мутной. Зато зритель сам вложит свой смысл, одобряет продюсер.

Андрей засмеялся сквозь слезы. Левая нога словно одеревенела, и всякая попытка встать вызывала нестерпимую боль. Что ж, недели через две меня по запаху гниения найдут бродячие собаки, укажут на мой труп жителям поселка Водоотстой, и те предадут меня земле. Прямо вот тут, где я лежу-кряхчу сейчас, закидают суглинком и вколотят крест. Что напишут на кресте? На айфоне у меня вон наклейка «А.С.А.В.», она даст им подсказку. «А.С.А.В. 1989–2023», наугад поставят дату рождения и ошибутся всего на год. В Москве буду считаться пропавшим без вести.

Андрей услышал женский голос. На холм кто-то поднимался: звук постепенно становился громче. Девушка говорила по телефону. Переговорка среди могил, ничего себе.

«Помогите!» – крикнул он из своей умиральной ямы.

Девушка затихла и через полминуты подошла к нему. Он провел взглядом по ней снизу вверх: в закрытых коричневых туфлях, в длинном винтажном платье, какие легко найти в каких-нибудь берлинских сэкондах, если только получится добраться до Берлина – через Стамбул или Дубай, брюнетка, с собранными в косу волосами.

Ой, сказала она, увидев Андрея. Телефона в руках у нее не было, не было и наушников: похоже, она думала вслух. Вы как тут оказались? Зачем вам череп? Вы что, черный копатель?

Нет-нет, я сценарист, гуляю, ищу вдохновение. Простите, если напугал. Андрей отложил череп в сторону. Немного увлекся-задумался. Вы, кажется, тоже?

Девушка не ответила. Она рассматривала его, как сокол рассматривал левый берег Волги. Не упуская, видимо, ни одной детали.

Я, кажется, ногу повредил. Можете мне?

Да, да, конечно, засуетилась девушка, приподняла двумя руками подол платья и, неуклюже балансируя, спустилась в яму. Песок под ее ногами почти не шевелился, лишь край платья оставлял на нем мягкий веероподобный след. Как ваша нога? Вы можете идти?

Андрей угукнул. Он отметил про себя, как необычно она произнесла слово «идти»: звучало по-фольклорному «ить-ти». Ухватившись за крепкую, даже мозолистую руку девушки, он с третьей попытки сумел подняться. Теперь, приволакивая левую ногу, он брел с холма с девушкиной помощью. Та приговаривала по пути: осторожнее, так, тут чуть правее ступайте, тут на приступочек, добро, добро, почти дошли. Спускались не меньше десяти минут, пару раз Андрей заваливался на бок и хватался рукой за воздух, но сильная спутница тут же спасала его от неминуемого кувырка. Наконец дорога выровнялась, кладбище на возвышенности осталось позади.

Спасибо, спасибо вам, дальше я сам, тут недалеко остановка.

Вы потихонечку только, помаленечку. Вам Солёный пруд обогнуть – а там уж и шоссе, поймаете машину быстро.

Может, обменяемся с вами контактами? Телеграм?

Девушка засмеялась. Ну присылайте вашу телеграмму. Поселок Водоотстой, ул. Кательповая, дальний дом у холма. Жанне.

Вы такая смешная, Жанна! Ну как хотите. Спасибо – и до встречи!

Андрей развернулся к дороге и, стараясь почти не шагать на левую ногу, медленно потащился вперед. Вдруг Жанна крикнула ему вдогонку: «Унышлар телэп калам!» Андрей в недоумении развернулся. Девушка поднималась обратно на холм, легко и быстро, словно паря над могилами и крестами. Через какие-то полминуты она исчезла из виду, а над погостом пролетел сокол – наверное, недавний Андреев товарищ. Хм, ну ладно.

Волоча ноги к остановке автобуса и сжимая челюсти от укулов боли, он набирал сообщение Игорю Кирилловичу.

«Есть идея! Хтонь, мистика, мрачный нелюдим-ищейка – будет круче “Настоящего дегтектива”, 100%. Сеттинг в степи, в адскую жару. Завтра созвонимся, ок?»

Автобуса не было с четверть часа, и всё это время Андрей сидел на скамейке, глядя за Волгу. Там постепенно догорал пожар, а солнце за его спиной скатилось с зенита на более щадящую высоту. Над рекой кружил вертолет – вероятно, МЧСовский. К штанине прицепился репейник. Андрей осторожно снял его и положил в карман.

Вот это будет первый кадр. Ищейка-нелюдим выходит из густых травяных зарослей, в поту и с грязными разводами на лице, сдирает с брюк репейник – и бросает его вперед, прямо в зрителя. Начальные титры!